

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2025

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серийное оформление: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Алексей Провоторов*

ISBN 978-5-17-168801-1

© Авторы, текст, 2024
© Парфенов М. С., составление, 2024
© Алексей Провоторов, ил. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С. — на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Елифанову и координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

- Александр Миронов (Санкт-Петербург)
- Александра Сарасонова (Нижний Новгород)
- Антон Каштанов (Санкт-Петербург)
- Валентина Барина (Тверь)
- Валерия Гриценко (Обнинск)
- Валерия Иванцева (Иваново)
- Василиса Чайникова (Челябинск)
- Виктор Гофман (Казахстан, Караганда)
- Виктор Макоед (Майкоп)
- Виктория Грищенкова (Мытищи)
- Виктория Сурова (Москва, поселок ЛМС)
- Виктория Шустрова (Москва)
- Виталий Бусловских (Новосибирск)
- Владимир Кутузов (Новосибирск)
- Денис Козлов (Рязань)
- Евгений Гайбарян (Москва)
- Евгения Климова (Иваново)

Егор Назаров (Краснодар)
Елена Дыкова (Казахстан, Петропавловск)
Елизавета Казакова (Новосибирск)
Иван Тимашов (Москва)
Илья Артибилов (Германия, Лейпциг)
Илья Старовойтов (Курган)
Ирина Рудакова (Нижний Новгород)
Ирина Топунова (Москва, Подольск)
Ленар Закиров (Татарстан, Казань)
Людмила Кшевинская (Москва)
Михаил Погребной (Краснодар)
Наталья Жидкова (Нижний Новгород)
Ольга Гурьянова (Татарстан, Казань)
Ольга Сагирова (Санкт-Петербург)
Рита Семенова (Барнаул)
Светлана Вилкс (Оренбург)
Сергей Барашкин (Саранск)
Сергей Рябых (Люберцы)
Татьяна Короткина (Гатчина)
Татьяна Рыбалко (Санкт-Петербург)
Татьяна Ясиновская (Санкт-Петербург, Саратов)
Филипп Герасименко (Невинномысск)
Яна Сидорова (Крым, Красногвардейское)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем наши издания так не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-то, что ему понравится. Такую историю или истории, которые напугают персонально его. Персонально ТЕБЯ.

ВЛАДИМИР СУЛИМОВ

КОРГОЛГОН

С техникой Кире вечно не везло.

В ее присутствии перегорали лампочки. Замена батареек в пульте могла привести к поломке. Она перестала пользоваться лифтом, потому что застревала чаще всех. Мир механизмов и гаджетов наотрез отказывался принимать Киру. Годам к двадцати она отчаялась с этим миром поладить, а к тридцати трем смирилась окончательно. Поэтому, когда под капотом заклокотало и «Тойота Камри», проехав по инерции несколько метров, остановилась, Кира лишь обреченно подумала: «Ну вот опять». Опять проблема.

Дорога была пуста. Накрапывал мелкий дождик. Таймер на панели показывал ровно 21:30. Подвешенная к зеркалу заднего вида игрушечная обезьянка — Артем подарил на счастье — крутилась на шнурке вокруг оси, стыдливо пряча глаза: талисман, а не справилась. Динамики исторгали бодрую попсу. Кира выключила музыку, никак не подходящую к обстановке. Сделала десять глубоких размеренных вдохов, как учили ее на занятиях по стрессоустойчивости для фитнес-тренеров, и попыталась завести машину снова.

Под капотом закудахтало. Безобразный звук, не предвещавший ничего хорошего, заставил сердце сжаться, а пульс участиться. Выровнять дыхание больше не удавалось. Кира выждала еще и повторила попытку. «Камри» разразилась клекотом, но не тронулась с места. Кира выругалась.

Она потянула за рычаг под панелью, чтобы открыть замок капота, вышла наружу и встревоженно осмотрелась. Пару минут назад Кира, не волнуясь ни о чем, миновала бетонный въездной знак «ИЛЬИНСК ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ», установленный, похоже, еще в доперестроечные времена. Виды, которые ее окружали сейчас, были под стать знаку, с редкими вкраплениями примет постсоветской эры: вот сварной киоск, прикорнувший под кривошеим фонарем, вот «Пятерочка», втиснутая между хрущевок цвета испорченного желтка. И киоск, и магазин были закрыты. Светофор моргал из последних сил единственным рывком глазом — того и гляди отключится, — подсвечивая островок вздувшегося асфальта. За пределами островка темнота, казалось, делалась гуще, плотнее, неуютнее. Сильный порыв ветра швырнул в Киру горсть сырого песка, не убранного с зимы, с бряканьем покатил по тротуару смятую банку из-под энергетика. Песчинка попала Кире в глаз. Кира заморгала. Ветер был не по-сентябрьски стылым, но под кремовым плащом ей сделалось жарко. Вдалеке лаяла собака. И больше ни души. Горящий в некоторых окнах свет не прибавлял пейзажу живости, скорее, наоборот: казалось, в освещенных комнатах никого нет.

Отгоняя неуютные мысли, Кира заглянула под крышку капота, повторяя ритуал, который порой наблюдала, проезжая мимо сломавшегося авто какого-нибудь горемыки. Горемыка с видом знатока заглядывал в моторный отсек своего коняги, и почему-то верилось, что поломка устранилась сама собой. Кира посветила айфоном. По тюленьему боку двигателя стекала черная жижа. Масло? Антифриз? Расширительный бачок казался пустым. Могла ли Кира, размышляя о подходящем к концу путешествии, не заметить, как загорелся красным сигнал термометра?

Вполне. Мог сигнал не сработать? И такое вероятно. К чему гадать? В устройстве автомобилей Кира понимала ненамного больше, чем в политической жизни Малайзии, — на то есть автомеханики. Но в ушах, будто голос подкравшегося сзади призрака, прозвучало назидание Артема: «За движком надо следить. Запрешь двигатель, — считай, попала на половину стоймости машины». Кира выругалась крепче.

Оставались два варианта: эвакуатор или помощь друга. Прагматизм — ни в коем случае не эгоизм, так она себя убеждала, — взывал воспользоваться помощью друга. От Рязани до Ильинска час пути... Хорошо, полтора. Артем еще не спит. Да и разве не предлагал он ей великодушно: «Звони в любое время, если что стряется, Кир. Я всегда тебе рад»? Правда, он говорил это до нее: «Давай не будем все портить, Тём. Останемся друзьями». Они и остались, Артем сам согласился. Настоящими друзьями, без пресловутой френдзонщины. Кира в это искренне верила.

Артем Протасов был, как говорят, «на все руки». (С этим «на все руки» подружки ей весь мозг вынесли: «Не курит, не пьет, бизнес строит, чего тебе еще надо, дура?» — «От лохушек слышу».) Сейчас Тёмкина на всеукость ой как пригодилась бы. Двигатель вряд ли починит, но хоть отбуксирует до Рязани. Размышляя так, Кира прицелилась мизинцем в айфон — остальные пальцы были вымазаны в саже, а она, разумеется, забыла надеть перчатки. Ткнула пальцем в экран — ничего. Ткнула сильнее, и айфон выскользнул из вспотевшей ладони. Она попыталась поймать, но сделала только хуже. Айфон отскочил от бестолково суетящихся рук и провалился в моторный отсек. Застрял среди мешанины автомобильных потрохов. Свет айфонового фонарика издевательски разливался из-под патрубков и шлангов. Кира попыталась достать — кисть

не пролезала. Попыталась поддеть подобранной с тротуара веточкой, но проклятый гаджет провалился глубже, окончательно став недостижимым. Кира замарала плащ, саданулась теменем о крышку капота, вздумавшую опуститься, и улицу огласил поток ругательств, который не посрамил бы и прапорщика со стажем.

Вот только улица оставалась безлюдной.

Кира захлопнула капот и неосознанно прижала грязную ладонь к губам, не ощущая вкуса копоти. Подбородок дрожал. Как и пальцы.

Одна. Ночью. В чужом городе. Без связи.

Беспомощная.

Не давая этому непривычному чувству перерасти в панику, Кира забрала с сиденья сумку, закрыла «камри», не утруждая себя включением аварийки — а смысл? — и медленно направилась к центру города вдоль перешептывающейся шеренги плешивой сирени.

Она снова и снова перебирала в уме варианты. Это успокаивало. Помогало отвлечься от чувства *заброшенности*.

Вариант номер раз: попросить у первого встречного мобильник и позвонить Артему.

Вариант номер два: переночевать в гостинице. Что, один фиг, утром вернет ее к варианту номер раз.

Вариант номер три: найти автовокзал и уехать в Рязань. Спать она будет дома, но проблема с машиной останется.

Значит, вариант номер раз. Кажется легким, не правда ли?

Однако с первым встречным не заладилось.

Он вообще не спешил показываться, встречный. Кира миновала несколько кварталов однообразных

хрущевок, одутловатых из-за нескончаемой мороси. Фонари горели через один. В стоках прела осклизлая листва, чей запах навевал неизъяснимую тоску, самые грустные воспоминания. В ветвях жмущихся к домам худосочных деревьев путались, как в паутине, редкие освещенные окна. За морщинами бесцветных занавесок изредка проплывали сутулые тени. Размеренное «гав-гав, гав-гав» скучающей собаки не становилось ближе. Из расщелины подворотни грянул хохот, развязный и оскорбительный, окатил проходящую мимо Киру, как из помойного ведра. Она переложила из сумочки в карман перцовый баллончик и ускорила шаг.

Первым встречным оказался таджик, поджарый, верткий и щетинистый. Из-под кепки блеснули глаза, в смешливом рту — золотой зуб. Он поравнялся, и Кира крепче стиснула баллончик во внезапно взмокшем кулаке. Таджик прошел мимо. Кира решила искать второго встречного.

Свернув за угол, она наткнулась на автобусную остановку. Под просевшей крышей павильона тучная цыганка громогласно тараторила по мобильнику. Из знакомых слов Кристина угадала только попеременно повторяющиеся «четыре» и «гниль». Мимо промчался до отказа набитый молодняком «солярис», обдав Киру тугой волной воздуха и оглушительным босяцким рэпом. Кира неосознанно потеряла руки, будто очищаясь от скверны. И продолжила путь.

Из дворов вышла дама в стеганой куртке и с йорком на поводке. Первый встречный с третьей попытки, наконец-то! С колотящимся сердцем Кира припустила за ней:

— Простите, пожалуйста, добрый вечер. Могу я вас спросить?

Дама с собачкой степенно плыла по тротуару, глухая к мольбам.

— Прошу прощения.— Кира нагнала хозяйку йорка.— Извините за беспокойство.

Ноль реакции. Даже псюшка не повела ухом, трусила себе и трусила, повиливая мохнатой жопкой.

— Простите...

— Женщина! — рявкнула собачница, резко оборачиваясь.— Я же сказала, я не справочное бюро! У других спрашивайте! Что непонятного? Непонятного — что?!

Она натянула поводок и двинула на другую сторону улицы, свирепо впечатывая ножищи в крошащийся асфальт.

«Придется быть избирательней»,— поняла, справившись с замешательством, Кира.

На перекрестке дома подрасступились, заморгали вывески, прокатила «шестера» без заднего бампера. Возле помятой, точно изжеванной бегемотом урны прикуривал от спички седовласый интеллигент в очках и потертом кашемировом пальто «Хуго Босс». Спичка отказывалась загораться в волглom воздухе. Кира подошла и предложила зажигалку — таскала в сумочке на случай пикника.

— Премного вам благодарен,— сказал Хуго Босс, блаженно затягиваясь.

— Не за что.— Кира убрала зажигалку и отказалась от предложенной «Короны».— Можно воспользоваться вашим мобильным? Мой... э-э... недоступен. Я попала в... э-э... историю, и мне надо позвонить другу. Я вам возмещу.

Хуго Босс с наслаждением глотнул еще дыма, выпустил в воздух облачко гари и остался стоять с задумчиво приоткрытым ртом. Теперь она разглядела его глаза за стеклами очков: оловянно-безжизненные. Глаза человека, долго и бесплодно скитающегося впотьмах.

Наконец губы Хуго Босса пришли в движение, и Кира услышала:

— Они же не зря молчат про коллайдер, ученые эти, в говне печенные. Частицы там, бозоны, мюоны. Кварки, шкварки. А на самом деле за *пространства* заглянули, а там ничего, ни материи, ни энергии, а лишь *он*, и умер *он* давнехонько, и гниет, и в *пространства* просачивается по экспоненте. Ученые эти моченые как заглянули, так и поняли — и с ума как один сошли. А *он* уже стал *анти-он*. Все же матрица, симуляция. Страшно? Да, страшно. Скверна-то — она до каждого дотянется, хоть живого, хоть мертвого, и вывернет, и переиначит. И конец всему, и ужас без конца. А голоса, голоса-то! Думаешь, когда по телефону звонишь, то с человеком разговариваешь? С телефоном ты говоришь, его это голос, коробки диавольской. Передразнивает он да переваривает. А твой голос украден, *им* украден, и блуждает среди *пространств* в ужасе, *его* напитокывает. Через телефон-то *он* к каждому подберется. Думаешь, кто телефон изобрел? Белл этот, Попов, Герберт Уэллс? *Анти-он* его нашептал, метастазой выблевал и телефоном на поводке держит вас, как собачонков.

Кира попятилась. Ступня соскользнула с бордюрного камня, подвернулась, и Кира лишь чудом не упала под колеса проезжавшей машины. Неопределенного от грязи цвета «логан» просигналил, не сбавляя ход: «Бэ-э!» — будто баран проблеял. Она перебежала через дорогу, озираясь на Хуго Босса: вдруг сорвется и ринется следом; полы пальто хлопают, а под лапами — мачете.

Но чокнутый просто стоял и докуривал свою гнусную сигарету. Стекла его очков заволокло дымом или испариной, словно он плакал.

К такой-то матери прохожих, решила Кира, выдохнув сквозь зубы. Она найдет полицию, или больницу, или еще какое круглосуточное учреждение, где не

откажут в помощи. Дадут позвонить, и она распрощается уже с этим гостеприимным го...

И тут Кира увидела. На бугристом, цвета забродившей мочи боку очередной хрущевки, под алым козырьком, точно в пластмассовом кокошнике, явившийся из старых и для кого-то добрых советских времен — телефон-автомат.

Звуки улицы стихли, словно в уши набилась вата. Очертания домов, худосочных кустов, аляповатых билбордов смазались и поблекли. Ярким и зримым оставалась только густо-красная, как сок раздавленной вишни, огромная раковина с покоящимся меж створок сокровищем. И Кира не пошла — ее понесло, как тонущего подхватывает течение и несет на глубину. А может, сам дом придвинулся: на, сними трубку. Позвони.

Она ступила под козырек, и тот словно сжал ее в гладких глянцевого объятиях. И вправду гигантская раковина. Кажется, такие называются тридакнами, подумала Кира. Когда в них случайно попадает нога ныряльщика, створки смыкаются, и человек может захлебнуться. Она потянулась к трубке и замерла в необъяснимом смятении. Таксофон не выглядел новым — разумеется, — однако сохранился отменно. В городе лунатиков и шпаны его не расколотили, не сдали на цветмет, и это поражало. Правда, кто-то нацарапал под кнопками загадочное: «КОРГОЛГОН». Что бы это значило? Кира нахмурилась.

«Мы подумаем об этом позже, сис».

Но она все медлила. Чем дольше медлила, тем эфемернее казалось происходящее. Словно время пустилось вспять, и вот она снова маленькая девочка с косичками, мама называет ее «моя конфетка», подружки рассказывают страшилку: если на таксофоне в полночь набрать 666, ответит дьявол. Он расскажет, когда и как ты умрешь... и куда попадешь после.

Она одернула себя: вернись на Землю, ты не хочешь тут стоять до утра!

«Может, он вообще не работает».

Не попробуешь — не узнаешь.

Кира сняла трубку и еще до того, как приложила к уху, почувствовала: опасения оправдались. Просто кусок пластика на шнуре в металлической оплетке, прохладный и отполированный чужими ладонями так, что кажется сальным. Она повесила трубку на рычаг, разочарованная.

Или обрадованная?

— Монетка нужна.

Кира чуть не подпрыгнула. Обернулась — под облезлой когтистой акацией белела тощая фигура. В первую секунду Кира приняла подкравшегося за карлика. Сощурилась — пацан лет двенадцати, лобастый, белобрысый, остроносый. Голова наклонена вправо так низко, что почти касается плеча. На левой стороне шеи — язва, от которой Кира поспешила отвести взгляд. В остальном обычный пацан, руки в карманы. Разве что одет не по погоде, в голубую растянутую футболку и шорты. Улыбка одновременно участливая и лукавая. Кира осторожно выдохнула воздух, набранный для крика.

— Ты чего подкрадываешься?

Белобрысый пацан пожал левым плечом.

— Не замерзнешь так?

Белобрысый шмыгнул носом и помотал головой: не-а.

— А он точно работает? — кивнула Кира на таксофон.

— Работает, — заверил пацан и повторил: — Монетка нужна.

— Сколько? — На панели никаких подсказывающих надписей не было. Только «КОРГОЛГОН».

— «Двушка».— Пацан обтер нос тыльной стороной ладони.

— Два рубля? — Кира не спешила лезть в кошелек. Хоть пацан и мелкий, но... Они тут совершенно одни. Хуго Босс докурил и исчез из кадра.

— Две копейки, советских.

— Издеваешься? — насупилась она.

— Не,— ответил белобрысый. У него был скрипящий стариковский голос, и Кира вновь задумалась: точно ли перед ней ребенок? Ледяной палец тревоги мазнул по всему хребту до самого копчика.— Проверьте сами. Две советские копейки. Я могу продать. У меня есть. Пятьсот рублей.

Каков наглец!

— Ха-ха,— сказала она.— Иди домой, простудишься. Нечего детям на ночь глядя одним шляться.

Белобрысый направился к таксофону, покачивая бедрами. Мышцы Киры напряглись сами собой. Но пацан всего лишь вытащил из кармана джинсов руку и сунул ей под нос раскрытую ладонь. На ладони лежал медный кругляш. Кира увидела герб, серп, и молот, и надпись «СССР» по ободку и опять ощутила, что соскальзывает в прошлое.

— Что за схематоз?

— Слушайте, вам шашечки или ехать? — В скрипящем голосе звучало нетерпение. Какое-то... голодное. Киру передернуло. От ладони пацана отчетливо пахло медью и потом.

— Полагаю, что ехать. Давайте так,— деловито предложил белобрысый. Между его губ мелькнул белесый язык, словно пацан хотел облизнуться, но сдержался.— Я отдам вам монетку. Если дозвонитесь, с вас пять сотен. Соглы?

— Если не дозвонюсь, уши оторву. Соглы?

Пацан не убрал руку, и Кира сочла это согласием.

Осторожно, чтобы не коснуться ладони белобры-
сого, она взяла монетку. Двушка была теплой и влаж-
ной — будто живая. Кира поборола желание бросить
ее обратно.

— Отойди, пожалуйста.

Пацан убрал руку в карман и отступил. *Отдалил-
ся* — снова этот эффект искажившегося пространства.
Пофиг, как это работает, главное, пусть новый зна-
комец *отдалится* достаточно далеко. Пытаясь вспом-
нить, как звонить по таксофону на межгород, Кира
сняла трубку и опустила монетку в прорезь.

— Я готов помочь, — незамедлительно раздалось в
трубке.

Она едва не отшвырнула трубку, словно гадю-
ку, очнувшуюся от ночного оцепенения. Это был
инстинктивный, первобытный порыв, ничем не
объяснимый: голос как голос, чуть надтреснутый и
доброжелательный, как у заботливого дядюшки. *Об-
волакивающий* — подсказал ум нужное слово.

А еще бестелесный и далекий, будто проталкива-
ющийся сквозь сырые толщи земли, выходящий на
поверхность с бурлящей грязью.

«Думаешь, когда по телефону звонишь, то с чело-
веком разговариваешь? С телефоном ты говоришь,
его это голос. Передразнивает он да переваривает».

— Это колл-центр? — спросила Кира. В горле пере-
сохло, и вопрос вышел едва слышным. Но собесед-
ник ответил:

— Я тот, кто помогает.

Потерянный взгляд Киры невольно вернулся к за-
гадочному слову на панели.

КОРГОЛГОН

Она откашлялась.

— Наверное, линии запараллелились. — «Твой
голос украден и блуждает среди *пространств*. Его